

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(520).01

Социально-экономическое, политическое и культурно-религиозное развитие Японии рубежа VI–VII веков по конституции Сётоку

В. Г. Шишкин

Шишкин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет, wital_sh@mail.ru

В статье предпринят постатейный анализ «Конституции Сётоку», где представлены данные о политической системе, социальной структуре и культурно-религиозной обстановке в Японии рубежа VI–VII вв. Обращается внимание на наличие в документе многочисленных заимствований из конфуцианства, даосизма и буддизма. Опираясь на идеи, почерпнутыми из канонических сочинений, японский законодатель призывает родовую верхушку преодолеть враждебность между кланами, повысить эффективность работы госаппарата, рационализировать ведение хозяйства и добиться доверия между различными слоями общества. Формулируется вывод, согласно которому автор Конституции не только конструирует желаемый образ японской государственности, руководствуясь идеями из классических текстов, но и обосновывает претензии царского дома на верховную власть над всеми жителями архипелага.

Ключевые слова: конституция Сётоку, статьи, Япония, буддизм, Конфуций, сановники, чиновники.

Поступила в редакцию: 17.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликовано: 30.06.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Socio-Economic, Political, Cultural and Religious Development of Japan at the Turn of the 6th–7th Centuries by the Shōtoku Constitution

V. G. Shishikin

Vitalii G. Shishikin, <https://orcid.org/0000-0002-2645-871X>, Novosibirsk State Technical University, 20 K. Marxa Ave., Novosibirsk 630054, Russia, wital_sh@mail.ru

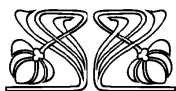
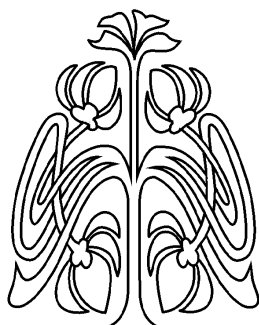
The paper focuses on the article-by-article analysis of the Shōtoku Constitution, where information about the political system, social structure, cultural and religious climate in Japan at the turn of the 6th–7th centuries is presented. The author pays attention to borrowing from Confucianism, Taoism and Buddhism, which is included in the document. Using the ideas taken from canonical texts, the Japanese legislator urges the patrimonial elite to overcome hostility between kinship groups, to increase the efficiency of the state apparatus, to rationalize agricultural activity and to build trust between different segments of society. As the finding of the research, it is concluded that the author of the Constitution not only consistently proves the imperial house's claims to the supreme power over all inhabitants of the archipelago but also, guided by ideas from classical texts, constructs the desired image of Japanese statehood.

Keywords: Constitution, Shōtoku, articles, Japan, Buddhism, Confucius, dignitaries, officials.

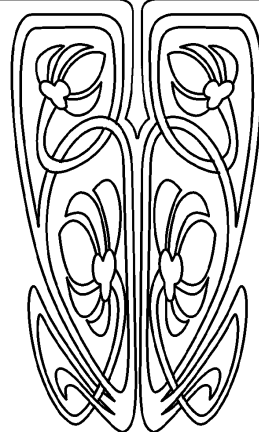
Received: 17.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Островное положение Японии оказывает серьезное влияние на развитие ее государственности, общественных институтов, хозяйства и культурной сферы. Однако изоляция никогда не носила всеобъемлющего характера, что нашло отражение в том числе в целом ряде источников.

Одним из важных документов по истории древней Японии является «Конституция Сётоку», датированная 604 г., которая также известна как «Закон Семнадцати статей», а ее полное название «Семнадцатистатьейная конституция наследника Сётоку»¹. Важно отметить, что хотя документ и называется «Конституцией», но не является таковым в современном понимании этого слова. Автором текста считается принц-регент Умаядо (574–622 гг.), более известный под посмертным именем Сётоку². Именно он на рубеже VI–VII вв. провел ряд реформ, нацеленных на культурное развитие и упорочение японского государства³.

На рубеже XIX–XX вв. появились переводы Конституции британца У. Г. Астона⁴ и немца К. Флоренца⁵. Исследование текста позволило Дж. Б. Сэнсому выдвинуть версию о том, что Конституция была написана в честь Сётоку, т. е. уже после его смерти, когда начали реализовываться некоторые предложенные им новшества⁶. В других научных работах говорится, что в Конституции отражена попытка построить государство, основанное на моральных принципах⁷, его бюрократизации, а также формирования четкой социальной иерархии⁸.

Изучением Конституции Сётоку занимались также и отечественные востоковеды. По мнению Н. И. Конрада, в документе содержится указание на «...абсолютный примат государства и его представителя – носителя верховной власти»⁹. В работе Н. А. Иофана Конституция оценивается как «...авторитетный сборник поучений в добродетели... и как древнейший в Японии памятник литературы»¹⁰. При этом исследователь отмечает бессистемность изложенных в тексте поучений, что косвенно указывает на наличие у Конституции нескольких авторов и продолжительный период ее создания¹¹. В монографии М. В. Воробьева указывается на то, что Конституция содержит «не политико-правовые положения, а религиозные и этические основы для таких положений», которые обращены к государственным деятелям и главам кланов¹². В статье В. Матвиенко Конституция рассматривается как документ, который в силу особенностей развития японской культуры неизбежно включает в область политического различные этические аспекты, важные для функционирования общества¹³. Упоминается Конституция Сётоку в текстах А. Н. Мещерякова и М. В. Грачева¹⁴, В. Н. Еремина¹⁵, а также в учебнике под редакцией Д. В. Стрельцова¹⁶. Необходимо уточнить, что в вышеперечисленных работах о Конституции говорится в контексте истории развития Японии в период оформления централизованной власти. Авторы лишь называют источники, послужившие

основой для составления документа и тех идей, которые содержатся в ее статьях. Обращает на себя внимание и то, что поверхностная характеристика документа с небольшими вариациями переходит из одной работы в другую, в то время, как комплекс важных содержательных моментов Конституции остается вне пределов исследовательского поля. В этой связи представляется необходимым более подробное изучение данного документа по истории древней Японии.

В тексте Конституции основное внимание будет уделено выявлению и анализу ключевых установок и их интерпретации. В этой связи целесообразно рассматривать статьи последовательно, учитывая, что некоторые из них логически и тематически взаимодействуют, а другие пункты носят более «автономный» характер, т. е. содержащиеся в них идеи опосредованно связаны с другими положениями Конституции. Необходимо также отметить, что японский законодатель провел серьезную аналитическую работу, не только заимствуя идеи в Китае, но и адаптировал их к специфике развития государства Ямато. Таким образом, некоторые смысловые конструкции получили новое наполнение.

Первой статьей автор документа фокусирует внимание на идеях, которые в последующих положениях получают уточнение и развитие. Мысли о «согласии» и «духе несопротивления»¹⁷ указывают на стремление нивелировать разрыв между отдельными элементами государства и общества и осуществить это на буддийских началах. Ссылка на необходимость учитывать «дух несопротивления» дается для того, чтобы преодолеть разобщенность с использованием мирных методов, а не военного принуждения. Не исключено, что составитель документа был знаком с военными трактатами, в том числе «Искусством войны» Сунь-цзы. Стоит напомнить, что создатель трактата ведет речь не только о боевых действиях, но и о том, что «... по правилам ведения войны наилучшее – сохранить государство противника в целостности...»¹⁸. Иными словами, мирное объединение земель на архипелаге имеет не только политическую и религиозную подоплеку, но и прагматическую – по возможности подчинять территории, используя переговоры, чтобы в последующем не пришлось заниматься их восстановлением.

Барьером для объединения территорий выступают «группировки», под которыми подразумеваются клановые структуры, находящиеся в сложных взаимоотношениях. Один из тезисов первой статьи провозглашает: «Мудрых людей мало»¹⁹, то есть указывается на деятелей, которые понимают необходимость преодолеть недоверие и распри, сдерживающие развитие архипелага. Эти люди выступают оппонентами группировок, которые «не повинуются ни государю, ни отцу, а также враждуют с соседями»²⁰.

Выход из положения видится в необходимости прийти к соглашению. Объединение подтал-

кивает учитывать интересы «верхов» и «низов»²¹. Последнее не подразумевает учета требований всех слоев, но представляет для «государственников» возможность выступать от имени как бы всего населения. В статье упоминается, что «при согласии в верхах и дружелюбии в низах, при согласованности в обсуждениях дела пойдут естественным порядком»²². Иными словами, автор указывает на то, что сотрудничество является не искусственной конструкцией, а необходимым условием развития общества. Для этого нужно преодолеть клановые интересы (разобщенность «по горизонтали») и одновременно укрепить структуру общества (побороть разобщенность «по вертикали»). Базовыми идеями объединения служат религиозные принципы, пришедшие с материка и адаптированные под местную специфику.

Во второй статье утверждается приоритет буддизма, который рассматривается в качестве официальной идеологии японского государства того периода. Это объясняется тем, что буддизм получил широкое распространение в других государствах: «... И наивысшая вера во всех странах»²³. Таким образом, Японское государство как бы встает в один ряд с наиболее сильными политическими образованиями материка и в первую очередь – с империей Суй. В статье перечисляются основные составляющие, которые необходимо учитывать: «Ревностно почитайте три сокровища; эти три сокровища суть Будда, дхарма и сангха»²⁴. Будда выступает в качестве верховного божества, дхарма – высшего закона, а под сангхой подразумевается церковное братство. В Конституции акцент сделан на том, что религиозный закон выступает как важный нормативный элемент государства. Можно предположить, что само японское общество в данном случае совпадает с религиозным братством, скрепленным узами буддийских норм. Фактически для объединения существовали все предпосылки, в том числе религиозные, надо только вспомнить о «духе несопротивления», о котором речь шла выше. Таким образом, снова подчеркивается необходимость преодоления разобщенности мирными методами: «Мало людей очень плохих, если их наставлять хорошо, то они будут повиноваться. Исправить их можно только при помощи этих трех сокровищ»²⁵.

В начале третьей статьи звучит тезис: «Почтительно воспринимая государевы указы, обязательно соблюдайте их»²⁶. В этой же статье Конституции указано, каким должно быть общество: «Государь – [это] небо, вассалы – земля. Небо покрывает [землю], а земля поддерживает небо». В одном из текстов конфуцианства «Лунь юй» Небо выступает высшим мерилем, неподчинение которому карается: «... [Учитель] поклялся: “Коль я не прав, пусть Небо отринет меня. Пусть Небо отринет меня!”»²⁷. Фактически же в Конституции в измененной форме приводится цитата из «Лецзы», где говорится: «Назначение Неба – рождать и укрывать. Назначение Земли – вскармливать и

поддерживать»²⁸. Третья статья также опирается на текст «Дао-Дэ цзин», где говорится следующее: «Кто царственен, тот подобен Небу. Кто подобен Небу, тот претворяет Путь. Кто претворяет Путь, тот пребудет долго и до конца дней избегнет вреда»²⁹.

Ссылаясь на тексты конфуцианства и даосизма, автор Конституции рассуждает о естественном порядке вещей, когда во главе находится государь, указания которого обязательны для выполнения подданными. Несоблюдение этого порядка является противоестественным и серьезным нарушением воли Неба, что непременно «приведет к разрушению»³⁰. Можно отметить, что, помимо обязательности исполнения указаний государя, в статье речь идет и о почтительности. Это предполагает понимание существования подобной системы подданными, их добровольном согласии с волей государя, которая соответствует воле Неба, а потому не может быть подвергнута сомнению.

Четвертая статья Конституции имеет конкретных адресатов – «Сановники и чиновники!»³¹. Автор текста апеллирует к ключевым группам государства, которые задействованы в его управлении. В данном случае «сановники» выступают в качестве представителей властной структуры, приближенных государя, а «чиновники» в роли бюрократов, стоящих ниже. Таким образом, речь идет о «верхах», о которых было упомянуто ранее. «Верхи» не являются однородной группой, а потому стоит дать характеристику «сановников» и «чиновников».

Критерием, согласно которому проводится разделение на эти группы, может быть степень их зависимости или близости к фигуре государя или царскому роду. На рубеже VI–VII вв. царскому дому подчинялась прослойка служилых людей, которые являлись выходцами из средних и мелких кланов и выполняли различные административные поручения властей³². Можно говорить о личной зависимости «чиновников» от царского рода, который в этот период выстраивал вертикаль власти. При этом они являются наиболее приближенными людьми, обладавшими специфическими навыками, в том числе, например, образованием, умением выполнять деликатные и ответственные поручения, которые были связаны с функционированием государства.

К группе «сановников» можно также отнести представителей клановой верхушки, находившейся в родственных, тесных экономических или иных связях с царским домом. Занимая высшие посты в развивающейся системе государственных институтов, они служили опорой трону и одновременно как бы разделяли власть с правителем, который не имел возможности контролировать все территории государства, а также сферы деятельности, необходимые для его функционирования. При этом вожди крупных кланов, вместе с представителями царского дома могли занимать высшие посты в центральных органах власти и на

местах³³. В последнем случае власти фактически закрепляли за главами союзных родов те земли, которые принадлежали им ранее. При этом подчиненные клановой старшине управленцы низшего звена на местах могли играть роль «чиновников», подчиняясь своим сюзеренам, т. е. «сановникам». Встраивая родовую знать в управленческую структуру, царский дом расширял базу своей поддержки среди кланов и тех групп, которые находились с ними в тесных связях.

Вторым важным феноменом, который нашел отражение в четвертой статье Конституции, является ритуал. По мысли авторов документа: «...если сановники и чиновники соблюдают ритуал, то все идет нормально. Если простой народ соблюдает ритуал, то государство управляется естественно»³⁴. Ритуал служит еще одним «цементирующим» элементом для развития государства и его централизации. В конфуцианстве ритуал выступает комплексом взаимосвязанных идей и обязательных для выполнения поступков и действий, соблюдение которых помогает сохранять в обществе порядок: «...Когда используют Правила, принцип единения через разномыслие должен быть самым ценным. Именно этим и был прекрасен Дао-Путь первых правителей... Однако, когда встречались неосуществимые дела, они, владея этим принципом достижения единения через разномыслие, добивались такого единения. Но невозможно достичь такого единения вне рамок Правил»³⁵. Под термином «Правила» подразумеваются определенные действия правителя, нацеленные на взаимодействие с «сановниками», «чиновниками» и «низами». Здесь уместно привести еще одну цитату из Конфуция: «Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на законе, и поддерживать порядок [угрозой] наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится [чувства] стыда. Если наставлять народ путем [введения] правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем [использования] Правил, то [в народе] появится [чувство] стыда и он исправится»³⁶. Акцент сделан именно на «Правилах», а не на законе. Фактически закон является производной от более весомых и древних элементов, в том числе ритуалов или «Правил», важных для общества.

Содержание пятой статьи носит специализированный характер, разъясняя то, чем и каким образом должны вести дела «сановники» и «чиновники». Звучит призыв: «Избавьтесь от чревоугодия, откажитесь от жадности и справедливо разбирайте поступающие жалобы»³⁷. Данную сентенцию можно оценивать и как констатацию порядков, укоренившихся в обществе во взаимоотношениях «верхов» и «низов», что было далеко от естественного порядка вещей, но не являлось чем-то необычным для того периода.

Логичным выглядит и указание на наиболее вопиющие негативные моменты: «В последнее время лица, разбирающие жалобы, сделали

обычаем извлекать из этого [личную] выгоду и выслушивать заявления после получения взятки»³⁸. При этом автор текста не удерживается от поэтического сравнения: «Поэтому-то жалоба имущего человека подобна камню, брошенному в воду, а жалоба бедняка подобна воде, политою на камень»³⁹. В примечании к тексту Конституции говорится о том, что данное изречение заимствовано из антологии китайской литературы «Вэнь сюань»⁴⁰. Таким образом, японский законодатель демонстрирует эрудицию и широту кругозора, а также указывает на то, что источником документа являются не только канонические тексты, но и произведения изящной словесности как кладезь мудрости. В финале статьи приводится оценка ситуации накануне реформ: «Именно в этом [заключаются] недостатки [истинного] пути наших вассалов»⁴¹. Данная сентенция интересна тем, что вновь все группы населения объединяются и называются «вассалами», хотя таковыми могут не являться. Автор текста подчеркивает верховенство царской власти, ее всеобщность, возможность повелевать жителями архипелага.

Шестая статья показательна для документа еще и потому, что в ней содержится обращение к наследникам трона, без их прямого упоминания. Это добавляет своеобразие Конституции и вводит в текст нотки морализаторства в духе древних просветителей. Делается это без словесной возвышенности, а с лаконичной четкостью: «Наказание зла и поощрение добра – хорошее древнее правило; поэтому не скрывайте добра людей, а заметив зло, обязательно исправляйте его»⁴². Данная фраза перекликается с цитатой из «Чжун юн» об избежании крайностей: «Шунь – вот кто великий мудрец! Шунь любил спрашивать и внимательно вслушивался в разговор окружающих. [Везде за правило считали] сокрытие зла и возвышение добра, [а он] брал эти две крайности и среднее между ними применял в отношении к народу...»⁴³.

В последующем тексте статьи говорится об опасности льстецов и обманщиков, которые выступают как «...остроконечный меч, разящий [свой] народ»⁴⁴, что перекликается с классической политической композицией «добрый царь и плохие бояре». При этом данное положение вещей не отменяет того, что «разлагающие элементы» в верхах могли серьезным образом влиять на государя. В этой связи можно привести цитату Конфуция об управлении: «...Запрети мелодии [царства] Чжэн, изгони льстецов: мелодии Чжэн непристойны, а льстецы опасны»⁴⁵. Актуальность данных советов (по поводу льстецов, а не царства Чжэн) сохраняется, а потому и наставление потомкам в последующих предложениях дополняется новыми подробностями: «Подобные люди всегда неверны государю и немилосердны к народу, а это есть источник больших беспорядков»⁴⁶. Здесь идет развитие мысли по принципу «от простого к сложному» и указание на то, какие будут последствия, если не заниматься решением кадровых

вопросов и пустить на самотек дела государства.

В седьмой статье звучит призыв к расстановке приоритетов в кадровой политике: «Каждый человек должен иметь свои обязанности и [дела] управления не должны быть смешиваемы. ... Поэтому в древности мудрые государи искали способных людей на посты, а не искали постов для людей»⁴⁷. Обращение к будущим правителям сочетается с отсылкой к прошлому, но не японского государства, а Китая. Автор документа дополняет положения регламентирующего характера нормами морали, которые содержатся в конфуцианских текстах со схожей формулировкой: «Правитель использует сановников, руководствуясь Правилами, сановники же служат правителю, руководствуясь чувством преданности»⁴⁸. Здесь акцент сделан не на единстве «верхов» и «низов», а на том, что правящие группы должны быть готовы к управлению и понимать всю ответственность за судьбы государства. При этом большая часть ответственности ложится на плечи правителя, который занимается кадровой политикой. Автор говорит: «В мире мало людей с природными знаниями; мудрость – продукт глубоких размышлений»⁴⁹.

Схожая мысль присутствует в «Лунь юй», где дается совет молодому чиновнику: «...Больше слушай, будь сдержан, когда возникнет сомнение, осторожно говори, и тогда нареканий будет мало. Больше наблюдай, обходи опасное, а в остальном будь осмотрителен, и тогда раскаяния будут редкими. Когда слова будут вызывать мало нареканий, а в поступках [придется] редко раскаиваться, тогда и будет тебе казенное содержание»⁵⁰. Таким образом, государству нужны осторожные люди, готовые не только исполнять приказы, но и учиться управлять, соблюдая «Правила», набираться опыта. Словом, чиновниками не рождаются, ими становятся, а от того, какими будут эти люди, зависит состояние государства. Конфуций не раз возвращается к теме обучения, указывая, что это одно из ключевых занятий для благородного мужа (цзюнь-цзы), который может служить примером для простых людей и идеалом правителя.

Восьмая статья Конституции – одна из самых лаконичных во всем документе и в ее содержании четко прописаны адресаты и посыл: «Сановники и чиновники! Рано приходите ко двору и поздно уходите. Государственные дела не допускают нерадивости»⁵¹. Бюрократические порядки, получившие развитие в Китае, на тот момент были чужеродны для японского государства и общества. Аппарат в центре и на местах находился в процессе формирования, что сказывалось на эффективности его работы. Не вдаваясь в подробности служилой иерархии, которая в тот период эволюционировала⁵², стоит отметить, что автор Конституции лишь обозначил пожелание решить проблему, обосновав ее с рациональных позиций. Выстраиванием же четкой иерархической системы и расписанием служебных обязанностей разных звеньев бюрократии будут заниматься

уже последующие поколения японских законодателей, что найдет отражение в своде законов «Тайхорё»⁵³.

В девятой статье раскрывается еще один качественный принцип функционирования государства: «Доверие есть основа справедливости... Добро и зло, успех и неуспех, безусловно, зиждутся на доверии»⁵⁴. Развивая мысль о необходимости четкого выполнения служебных обязанностей, автор текста делает акцент на формировании особых отношений, которые являются одними из базовых в конфуцианстве: «При управлении государством, ...будь на этом деле благоговейно сосредоточен и добивайся доверия [народа]...»⁵⁵. Другой пример: «...Смерти никому из людей не избежать, но если народ перестанет доверять, то государству не устоять»⁵⁶. Фактически идет дословное цитирование «Лунь юй», потому что завершающая цитата девятой статьи звучит так: «Если сановники и вассалы не будут доверять друг другу, то все рухнет»⁵⁷.

Помимо важности «доверия», необходимо учитывать и то, что данная статья логически связана с предыдущей, следовательно, нацелена на «сановников» и «вассалов». Однако «сановники» формально не являются вассалами. В данном случае можно отметить, что все свободное население архипелага делилось на две группы: родовую знать всех степеней и прочих жителей. Первые являлись членами клановых структур, поддерживающих царскую власть, занимающих нейтральную позицию или находящихся в оппозиции, а вторые – членами корпораций, созданных ранее по профессиональному или территориальному принципу. Клановая верхушка, имевшая кровное родство, занималась административными и военными делами, осуществляла ритуал. Члены корпораций объединяли большую часть свободного населения островов и занимались хлебопашеством, рыбной ловлей, охотой, промыслами, а также выплачивали определенную часть прибавочного продукта клану, под покровительством которого находились⁵⁸.

Если подходить к этой структуре с точки зрения выстраивания иерархии, как в Европе, то местные «сановники» являются вассалами государя, а члены корпораций их «вассалами». Однако зависимость «сановников» от государя нельзя назвать вассальной, так как каждый клан владел землей по праву наследования, а не дарования со стороны государства или царя. В этой связи «сановники» или представители родов выступают как отдельная группа, не являющаяся вассальной по отношению к государю. Члены корпораций, в которые входила большая часть населения японского архипелага, являлись вассалами клановой верхушки, поскольку жили на их землях и отдавали часть произведенной продукции как плату за ее использование.

Можно предположить, что автор Конституции обращается в первую очередь к главам кланов, а через родовую знать – к их вассалам. Кроме того,

законодатель, чтобы быть последовательным, как бы возвращается к смыслам, которые ранее нашли отражение в документе. Раз во второй статье речь идет о религиозном братстве всего населения архипелага, то нет необходимости отступать от этих позиций и в девятой. В очередной раз повторяется мысль, только другими словами, с упором на «доверие», необходимость согласия между «высшими» и «низшими», которое было обозначено в третьей статье.

Десятая статья начинается со слов: «Избавьтесь от гнева, отбросьте негодование и не сердитесь на других за то, что они не такие как вы. У каждого человека есть сердце. У каждого сердца – свои наклонности»⁵⁹. Идет обращение к «сановникам и чиновникам» без их обозначения в тексте. Призыв забыть о негативных эмоциях связан с тем, что именно этим людям надлежит воплощать идеал человека или благородного мужа, а по мысли Конфуция, «... в гнев надо помнить о его последствиях...»⁶⁰. Фактически каждое обращение к «сановникам и чиновникам» добавляет новые требования к их деятельности и образу жизни, которые бы соответствовали принципам цзюнь-цзы, что должно прийти не через принуждение, а понимание, поэтому и упоминается сердце, связанное с моральными основами развития личности.

Дальше автор Конституции озвучивает необычную мысль: «Мы оба вместе и умны и глупы, подобно кольцу без концов. Поэтому хотя он и сердится на меня, я, напротив, должен сам опасаться сделать ошибку»⁶¹. Можно заметить намек на «Дао-Дэ цзин» за счет необычной стилистики текста, связанного с парадоксальностью изложения и возможностью интерпретировать ту или иную цитату в зависимости от контекста. Более того, в каноническом тексте даосизма присутствует цитата, где речь идет о человеке, который движется по Дао-пути, т. е. близок к естественному состоянию: «У меня сердце глупца – смутное, безыскусное!»⁶². В данном случае «глупец» не является уничижительной характеристикой. Она указывает на свободу человека от мирской суеты и понимание им сути вещей, что перекликается с характеристиками благородного мужа, которому «видеть надо ясно... слышать надо четко...»⁶³.

Заканчивается статья следующим высказыванием: «Хотя я, возможно, один прав, но должен следовать за всеми и действовать одинаково [с ними]»⁶⁴, которое подводит черту сложносоставной мысли и обогащает ее. Здесь проявляется особый подход, характерный для жителей архипелага, и «закрепляется особый тип личности, постоянно подстраивающей себя к собеседнику, партнеру, канону, традиции»⁶⁵. Это находит отражение не только в постоянных ссылках на канонические тексты, но и в указании на готовность действовать с опорой на коллектив.

Одинадцатая статья посвящена наградам и наказаниям: «Справедливо оценивайте заслуги

и провинности; обязательно награждайте и наказывайте соответственно... Бывает, что награды [дают] не по заслугам, а наказания – не по вине»⁶⁶. Идет речь об осторожном обращении с этими методами. Здесь уместно вспомнить трактат Сунь-цзы: «Если солдаты еще не расположены к тебе, а ты станешь их наказывать, они не будут тебе подчиняться; а если они не станут подчиняться, ими трудно будет пользоваться. Если солдаты уже расположены к тебе, а наказания производятся не будут, ими совсем нельзя будет пользоваться»⁶⁷. Правильное обращение с данным инструментом может привести к победе в сражении и в управлении государством, ошибки – к поражениям на поле боя и провалам в политике.

Награды и наказания как способ взаимодействия с населением можно рассматривать с нескольких позиций. В первую очередь награды и наказания служат подспорьем в управлении населением. Главенствующим является ритуал, то есть «Правила», как о том говорит Конфуций. При этом надежды на то, что все будут чтить ритуал, нет. Потому использование наказаний за несоблюдение «Правил» или поощрений в противоположной ситуации характерны для властей. Второй важной чертой механизмов наградений и наказаний является момент, связанный с рекрутированием управленцев, о чем шла речь в седьмой статье.

В двенадцатой статье Конституции единственный раз идет обращение к конкретным должностным лицам: «Царские контролеры и наместники провинций!». Далее следует призыв не облагать двойными налогами народ и апелляция к тому, что государь является единственным господином всего народа, а остальные – его вассалы⁶⁸. К рубежу VI–VII вв. в Японии власть на местах оставалась в руках клановых структур, которые не собирались ею делиться. Наместниками могли выступать люди, получавшие должности на землях царского дома, или же представители родовой старшины, владевшие землями ранее, а после включения в управленческую вертикаль государства легализовавшие свой статус, ставшие «наместниками». «Контролерами» могли быть люди государя, осуществлявшие взаимодействие политического Центра с периферией. Говорить о полном контроле над провинциальной элитой в этот период не представляется возможным. Скорее, речь идет об опосредованном контроле, т. е. сборе информации о состоянии дел на местах и ознакомлении с ней государя. Не исключено, что в этой ситуации «сановники» могли использовать «контролеров» в своих целях, в том числе за счет материальных поощрений.

Двенадцатая статья – одна из немногих, где содержатся не только утвердительные или должностные положения, но и вопрос: «Почему же [они] наряду с казной осмеливаются [незаконно] облагать [налогами] простой народ?»⁶⁹. Вопросительные коннотации используются в просветительских текстах, где через полемику

со зримым или воображаемым собеседником (от которого необязательно должен поступить ответ) достигается цель – донести очень важную мысль. Автор использует разные выразительные элементы и стилистические приемы, чтобы положение той или иной статьи, а также документ в целом были поняты адресатом.

В тринадцатой статье идет речь о качестве исполнения поручений государя: «Все назначенные чиновники должны одинаково [хорошо] исполнять [свои] служебные обязанности»⁷⁰. В дальнейшем приводятся некоторые исключения и уточнения: «Не заниматься делами можно лишь в связи с болезнью или служебными поручениями. Однако когда вы сможете исполнять обязанность, то действуйте, как и прежде в [духе] согласия»⁷¹. Данный тезис интересен еще и тем, что служит примером оговорки, когда можно не выполнять свои функции. Иными словами в документе акцент сделан не только на унификацию, но и на учет разных условий и обстоятельств. Подобную гибкость законодателя в последующем можно наблюдать, например, в таких законодательных документах, как «Манифест Тайка»⁷². Дух согласия является важным в деятельности для чиновников: «...Благородный муж строг, но не склонен к ссорам, легко сходит с людьми, но не [сторонник одного] дана»⁷³. Как раз несклонность к ссорам разных данов, то есть общин. Иначе говоря, благородный муж или чиновник должен поступать так, чтобы не только не оттолкнуть представителей различных групп (кланов и корпораций), но и служить связующим звеном между народом и государем.

В четырнадцатой статье содержится очередное обращение к «сановникам и вассалам» и осуждению пороков: «Не будьте завистливы. Если мы завидуем другим, то и другие завидуют нам. Беды от зависти не имеют предела»⁷⁴. Конкуренция среди управленцев наблюдалась всегда. Результирующей этого процесса была возможность занять более высокий пост, получить привилегии и повышенное содержание. Обратной стороной конкуренции становились интриги, сплетни и другие явления, тормозившие развитие аппарата, порождая борьбу между отдельными его представителями и группировками. Перенос вражды кланов и их отдельных представителей на поле управления государством представлялся опасностью, которая могла привести к краху всей структуры власти, которая только-только начала обретать более четкие очертания.

Не менее важным аспектом статьи являлась сентенция: «... Умнога встречаеш [раз] в пятьсот лет, [а] одного мудреца трудно найти и [раз] в тысячу лет. Однако кто будет управлять страной без умных людей и мудрецов?»⁷⁵. Можно вспомнить о седьмой статье, где говорилось о том, что «в мире мало людей с природными знаниями...»⁷⁶, т. е. узкой прослойке людей, подготовленных к

решению проблем управления. Их еще придется найти и воспитать. Речь идет не просто о кадрах бюрократии, а об исключительных людях, готовых взять на себя ответственность за проведение преобразований. Автор документа, если и не лелеял надежду, то предполагал, что и в государстве Ямато может появиться мудрец, как Конфуций, который в период нестабильности выдвинул комплекс идей, ставших ориентиром при преодолении кризисных явлений.

Пятнадцатая статья начинается как призыв: «Отвернуться от личного и повернуться к государственному – это [истинный] путь вассала»⁷⁷. Примат государственного над личным основывается не только на властной необходимости, но и на моральных принципах: «Если человеком овладевает личное, то [им] обязательно овладевает злоба...»⁷⁸. Дальше автор документа выстраивает цепочку рассуждений, показывая, что приоритет личного разрушителен не столько для отдельного человека, сколько для государства и общества в целом. Одной из расшифровок данного умозаключения может служить цитата из «Лунь юй», имеющая отношение к государю: «Если правитель ведет себя правильно, то дела идут и без приказов. Если же правитель ведет себя неправильно, то народ не будет повиноваться, сколько бы приказов не издавалось»⁷⁹. Законодатель периода Ямато «закольцовывает» логические построения данного пункта с тем, что было сказано еще в первой статье о важности согласия в «верхах» и «низах».

Таким образом, государство и общество находятся выше отдельного человека, но в определенной мере зависят от деятельности личности, потому что базируются на согласии всех элементов, тех же «верхов» и «низов», что является необходимым условием естественного порядка вещей. Если же личность возобладает, то это будет нарушением порядка. Интересен здесь и аспект, касающийся государя, который выступает как отдельная личность, но при этом должен соблюдать «Правила». И только в этом случае он может повелевать людьми.

Шестнадцатая статья документа говорит об использовании «низов» при выполнении разнообразных повинностей. В последнем случае речь идет об отрыве земледельцев от участков и выполнении работ вне рамок своего хозяйства, деревни и даже области проживания. Здесь идет речь, например, о работах по возведению различных строений, объектов инфраструктуры и пр.⁸⁰ Автор Конституции не посягает на прерогативы кланов в сборе налогов и использовании труда «низов» для выполнения повинностей, а лишь основывается на рационализации последних: «... Народ должно использовать в зимние месяцы, когда у него есть свободное время. С весны до осени, во время сезона обработки полей и шелковицы народ использовать нельзя»⁸¹. Это означает, что отрыв крестьян от работы во время аграрного периода может привести к негативным

последствиям, вплоть до неурожая и голода, сокращения налоговых выплат.

Финальная, семнадцатая статья Конституции указывает на место правителя в среде политической элиты. В третьей и двенадцатой статьях также шла речь о том, что монарх находится на вершине иерархической лестницы. В семнадцатой статье дается новая аллитерация этого положения: «Важные дела нельзя решать одному; их обязательно обсуждать со всеми»⁸². А дальше следует уточнение, что в «малых делах» монарх самостоятельно принимает решения. «Важные дела» требуют обсуждения⁸³, что указывает на существование механизма коллегиальности. При этом обсуждение вовсе не подразумевает принятия коллективного решения. Речь идет о том, чтобы избежать ошибок – обсудить и прийти к решению. Последнее слово остается за правителем. Таким образом, в финале в очередной раз более отчетливо подчеркивается наивысший статус государя.

В заключение можно отметить, что к рубежу VI–VII вв. в Японии сформировались условия для законодательного оформления государственности и усиления роли правящего рода. В этой связи автор «Конституции Сётоку» постарался не только отразить ключевые, на его взгляд, черты развития японского государства и общества того времени, но и показать свое видение того, какими они должны быть. Идеи, почерпнутые в канонических текстах, позволяли японскому законодателю выстроить доказательную базу, необходимую для последовательного и желательного бесконфликтного преодоления клановых распрей. Идеи буддизма и даосизма служили основой в деле снижения разобщенности между «верхами» и «низами», прекращения вражды между оппозиционными группировками и сторонниками царского дома. Все общество рассматривалось в качестве братства, скрепленного религиозными нормами, которые были выше земных законов. Конфуцианские предписания подходили для формирования правил, необходимых для функционирования высшей и рядовой бюрократии. При этом «сановники» и «чиновники» выступали в качестве интерфейса в процессе укрепления власти государя в Центре и в провинции. Примером идеального управленца служил образ благородного мужа, который являлся связующим звеном между родовыми структурами и различными слоями японского общества, с одной стороны, и царской властью – с другой. Превалирование в Конституции идей коллективизма и корпоративизма не перечеркивало возможности для проявления личностных качеств отдельных представителей господствующей верхушки и в особенности правителей Ямато. Обозначенные в Конституции положения являются примером компромисса между традиционными устоями, господствующими в японском социуме, и религиозно-этическими нормами, позаимствованными с материка. При этом представители японской

правлящей элиты старались адаптировать концепции китайских просветителей к местным условиям, полагая, что перенос чужих идей требует избирательного подхода и мягкого внедрения, в особенности тогда, когда общественные институты сохраняли архаичные черты, а правящему роду необходимо было решить комплекс задач, связанных с усилением государства.

Примечания

- 1 Ямато (Япония) VII в. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/pred.phtml?id=1510 (дата обращения: 31.05.2019).
- 2 См.: *Суровень Д. А.* Титулатура правителей и три высших должностных лица государства Ямато на рубеже VI–VII веков // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2011. № 21 (236). С. 74.
- 3 См.: *Ласков С. С.* Япония в раннее Средневековье VII–XII века : исторические очерки. М. : Либроком, 2011. С. 30–33.
- 4 *Aston W. G.* *Nihongi : Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697 : in 2 vols. (in 1).* L. : Keagan and Co., 1896. Vol. 2. P. 128–133.
- 5 *Florenz K.* *Japanische Annalen. Bd. XXII. Nihongi.* Tokyo : Hobunsha, 1903. P. 13–20.
- 6 *Sansom G. B.* *A History of Japan to 1334.* Stanford : Stanford Univ. Press, 1958. P. 51–56.
- 7 *Kasulis T. P.* Prince Shōtoku's Constitution and the Synthetic Nature of Japanese Thought // *The Oxford Handbook of Japanese Philosophy / ed. by B. W. Davis.* URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199945726.001.0001/oxfordhb-9780199945726-e-5> (дата обращения: 19.11.2019).
- 8 *Deal W. D.* *Hagiography and History : The Image of Prince Shōtoku // Religions of Japan in Practice / ed. by G. J. Tanabe.* Princeton : Princeton Univ. Press, 1999. P. 316–333.
- 9 *Конрад Н. И.* *Избранные труды.* История. М. : Наука, 1974. С. 374.
- 10 *Иофан Н. А.* *Культура древней Японии.* М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. С. 91.
- 11 Там же. С. 91–92.
- 12 См.: *Воробьев М. В.* Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир. М. : Наука, 1980. С. 183.
- 13 См.: *Матвиенко В.* Политика справедливости : о деонтологической этике в японской политической культуре // *Социологическое обозрение*. 2016. № 15. С. 75–93.
- 14 См.: *Меццержаков А. Н., Грачев М. В.* *История древней Японии : учебное пособие для вузов.* М. : Наталис, 2010. 544 с.
- 15 См.: *Еремин В. Н.* *История правовой системы Японии / отв. ред. А. А. Кириченко.* М. : РОССПЭН, 2010. 293 с.
- 16 См.: *История Японии : учебник для студентов вузов / под ред. Д. В. Стрельцова.* 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-Пресс, 2018. 592 с.

- 17 См.: Конституция Сётоку / пер. К. А. Попова // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 129.
- 18 *Сунь-цзы*. Трактаты о военном искусстве / пер. с кит., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М.: АСТ: Астрель: СПб.: Terra Fantastica, 2011. С. 457.
- 19 Конституция Сётоку. С. 129.
- 20 Там же. С. 130.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступит. ст. Л. С. Переломова. М.: Вост. лит., 2004. С. 179.
- 28 Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит., вступит. ст. и прим. В. В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 288.
- 29 Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). С комментариями и объяснениями / пер. с кит. В. В. Малявина. М.: АСТ, 2017. С. 73.
- 30 Конституция Сётоку. С. 130.
- 31 Там же.
- 32 См.: Воробьев М. В. Указ. соч. С. 146.
- 33 Там же. С. 149.
- 34 Конституция Сётоку. С. 130.
- 35 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 160.
- 36 Там же. С. 161.
- 37 Конституция Сётоку. С. 130.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Там же. С. 135.
- 41 Там же. С. 130.
- 42 Там же.
- 43 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 129.
- 44 Конституция Сётоку. С. 130.
- 45 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 217.
- 46 Конституция Сётоку. С. 130.
- 47 Там же. С. 131.
- 48 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 167.
- 49 Конституция Сётоку. С. 131.
- 50 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 163.
- 51 Конституция Сётоку. С. 131.
- 52 См.: Воробьев М. В. Указ. соч. С. 141–158.
- 53 См.: Свод законов «Тайхорё». Законы I–XV. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VIII/700-720/Tajhore_I/index.phtml?id=11301 (дата обращения 19.02.2019).
- 54 Конституция Сётоку. С. 131.
- 55 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 158–159.
- 56 Там же. С. 201.
- 57 Конституция Сётоку. С. 131.
- 58 См.: Воробьев М. В. Указ. соч. С. 133–136.
- 59 Конституция Сётоку. С. 131.
- 60 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 223.
- 61 Конституция Сётоку. С. 131.
- 62 Книга о Пути жизни (Дао-Дэ цзин). С комментариями и объяснениями. С. 83.
- 63 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 222.
- 64 Конституция Сётоку. С. 131.
- 65 *Мецгеряков А. Н.* Древняя Япония. Культура и текст. М.: Наука, 1991. С. 210.
- 66 Конституция Сётоку. С. 131.
- 67 *Сунь-цзы*. Трактаты о военном искусстве. С. 60.
- 68 См.: Конституция Сётоку. С. 131.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Манифест Тайка URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/640-660/Manifest_Taika/frametext.htm (дата обращения: 31.05.2019).
- 73 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 208.
- 74 Конституция Сётоку. С. 132.
- 75 Там же.
- 76 Там же.
- 77 Там же.
- 78 Там же.
- 79 Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). С. 205.
- 80 См.: Воробьев М. В. Указ. соч. С. 170–175.
- 81 Конституция Сётоку. С. 132.
- 82 Там же.
- 83 Там же.

Образец для цитирования:

Шишикин В. Г. Социально-экономическое, политическое и культурно-религиозное развитие Японии рубежа VI–VII веков по конституции Сётоку // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 182–190. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>

Cite this article as:

Shishikin V. G. Socio-Economic, Political, Cultural and Religious Development of Japan at the Turn of the 6th-7th Centuries by the Shōtoku Constitution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 182–190 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-182-190>